

Ночь темна, как тушь, а взлобья крыш Императорского Храма Предков пронзают небосвод. Медные колокольчики на углах кровли молчат под порывами ветра, но кажется, будто в них плачут тысячи призраков. Се Линь в черных одеждах скользил по глазурованным черепицам бесшумно, точно злой дух, а его кончики пальцев очертили драконий узор на каменной колонне, оставив темный багровый след — это не зажила рана, нанесенная ему прошлой ночью Императорской гвардией. Он не чувствовал боли, только холод. Холод, похожий на снег на том эшафоте, и холод, что сквозил в строках, начертанных на сердце Цэнь Чжао: Жизнь за жизнь, Кровавый Указ не угаснет.

Вход в подземный дворец прятался за табличками с именами предков в главном зале Императорского Храма Предков. Се Линь использовал кровь собственной ладони как проводник, прижав её к стертому временем каменному иероглифу «Се». Тяжелая каменная дверь даже не дрогнула.

— Ты всё-таки пришел.

Холодный голос раздался у него за спиной.

Се Линь не обернулся, лишь крепче сжал на груди половину Кровавого Указа. Тот уже раскололся на три части, словно его собственная надломленная душа.

Цэнь Чжао медленно вышел из темноты. Лунный свет упал на его бледное лицо, обнажая тонкую полоску крови в уголке губ. Он был не в официальном мундире, а в простых белых одеждах, а его лента для волос свисала развязанной, словно он только что выбрался из кучи мертвецов.

— Ты с самого начала знал, что я приду.

Се Линь наконец повернулся, и в глубине его глаз бушевала буря.

— Ты нарочно заманил меня сюда, чтобы я погиб здесь?

Цэнь Чжао легко усмехнулся, но в этой улыбке не было ненависти — лишь почти нежная усталость:

— Нет, я хотел, чтобы ты жил.

Он подошел ближе, и его пальцы коснулись высеченных на каменной двери знаков, будто касаясь лица покойного друга:

— Семидесять два свитка Кровавых Писаний — все они запечатаны кровью рода Се. Но ты... уже давно не принадлежишь к роду Се.

Зрачки Се Линя резко сузились.

— Забыл? — Голос Цэнь Чжао был легок, как дуновение ветра. — В ту ночь, когда ты взошел на престол, ты собственными руками сломал нефритовую шпильку, отсёк кровное родство рода Се и сжег родовой храм предков, сказав: «Кровь семьи Се недостойна осквернять императорскую власть».

Горло Се Линя сдавило спазмом, и перед глазами вспыхнули те далекие языки пламени: он переломил нефритовую шпильку пополам, закопал обломок в плиты Холодного Дворца, а вторую половину сжал в ладони так сильно, что кровь закапала сквозь пальцы, обжигая онемевшее сердце.

— Но ты... — Цэнь Чжао внезапно поднял руку, провел пальцем по собственному запястью, и капли крови сорвались вниз.

Капли упали на землю и, извиваясь, словно живые существа, впитались в трещины камня, как змеи, ищущие нору.

Каменная дверь медленно отворилась.

Гул...

Старый запах запекшейся крови ударил в лицо, смешиваясь с ароматом туши, тленной бумаги и не высохших до конца слез.

Внутри подземного дворца на бронзовых стеллажах тихо покоились семьдесят два свитка Кровавых Писаний. Каждый был написан киноварью, и иероглифы выглядели как застывшая кровь и рыдающие души. Почерк Се Линя.

Он приближался шаг за шагом, дрожащими пальцами касаясь первого свитка: «Первый год Тяньци: Вдовствующая императрица поднесла яд Свергнутому наследному принцу, объявив о внезапной смерти».

Второй свиток: «Ваше Величество под предлогом колдовства казнили тридцать семь несогласных сановников и сожгли три летописи».

Третий свиток: «Се Линь, безумец, написал эту книгу в стремлении уничтожить императорскую власть и заслуживает смертной казни».

Каждый свиток был историей, которую он не успел дописать в прошлой жизни.

Он опустился на колени, и слезы хлынули из глаз, но не издал ни звука.

Последний свиток оказался пустым.

На нем красовалась лишь одна строка, высеченная словно лезвием прямо по кости:

— Если ты дочитал до этого места, значит, я уже мертв, а ты — жив.

Се Линь яростно сорвал последний уголок Кровавого Указа, спрятанный у него на груди — тот самый, который он выскреб собственными ногтями, смешав с кровью, слезами и одержимостью двадцати лет.

Он прижал этот клочок ультиматума к пустой бумаге.

В тот же миг вспыхнул ослепительный кровавый свет!

Чернила на свитке зашевелились живыми змеями, сливаясь с пустотой на каменном свитке, расширяясь и складываясь в слова. Проступившие письмена сияли, подобно божественному пророчеству Небес:

— Начиная с первого года Тяньци, Да Инь погряз в царевубийствах, отцеубийствах, предательстве родины, сожжении книг, запретах на слово и истреблении родов... Все эти преступления проистекают из того, что императорская власть мнит себя волей небес. Историограф Се Линь использовал безумную речь как клинок, а кровь как тушь, чтобы до конца выписать правду. Отныне этот свиток — не история, а проклятие.

Когда кровавые иероглифы застыли, весь подземный дворец задрожал.

Цэнь Чжао шагнул вперед и взял Се Линя за руку. Ладонь была теплой, а кровь еще не высохла.

— Теперь ты не безумец, — произнес он.

Но Се Линь покачал головой: слезы еще не высохли, а на губах уже цвела глубокая улыбка.

— Я — безумец, — хрипло, но звонко, словно колокол, отозвался он. — Только поэтому я и осмелился дописать эту историю, которой не должно было быть.

Цэнь Чжао долго всматривался в него, а затем тихо промолвил:

— Знаешь? В детстве я часто прятался во внутреннем дворе Храма Предков и подглядывал, как ты переписываешь книги в святилище. Ты всегда повторял: Историограф, не записывающий правду, хуже мертвеца. Тогда я боялся, что ты сойдешь с ума, боялся, что ты умрешь,

поэтому... я украл твою нефритовую шпильку, спрятал твой Кровавый Указ, испил твой яд и вытатуировал твою клятву.

Се Линь резко вскинул голову.

— Ты...

— Я — младший сын семьи Се, родной младший брат Се Линя, — Цэнь Чжао улыбнулся, и в его глазах блеснул свет. — В тот день, когда тебя волокли на эшафот, я бросился вперед, но меня пронзили бесчисленные стрелы. Умирая, я услышал твои последние слова: «Если я умру, история не угаснет». Тогда я сделал собственную жизнь проводником, запечатал твою душу в указе, смешал кровь с тушью и переписал летописи. Двадцать лет я жил лишь для того, чтобы дожидаться твоего пробуждения.

Се Линь задрожал всем телом и крепко прижал его к груди, с такой силой, будто хотел вплавить в собственные кости и плоть.

— Почему ты не сказал раньше?

— Потому что ты должен был обезуметь, — Цэнь Чжао прижался щекой к его плечу, и голос его постепенно слабел. — Только безумец способен пронзить ложь. Мудрые правители не смеют говорить, святые мужи не смеют писать — лишь безумец осмелится вписать правду прямо в кровь.

Снаружи подземного дворца внезапно раздались громовые шаги.

— Се Линь! Если ты не покажешься сейчас же, я сожгу Храм Предков дотла, и пусть эти семьдесят два свитка Кровавых Писаний сгинут в вечности! — голос Вдовствующей императрицы донесся из-за каменной двери, холодный как железо.

Цэнь Чжао поднял глаза и посмотрел на Се Линя.

Се Линь медленно поднялся на ноги, вытащил из-за пазухи ту самую сломанную нефритовую шпильку рода Се — ту, что он извлек из груди Цэнь Чжао только сегодня, когда плоть и кровь уже срослись с камнем, а цвет нефрита стал похож на слезу.

Он вставил шпильку в трещину каменной стены.

— Ты сошел с ума? — шепотом спросил Цэнь Чжао.

— Нет, — легко улыбнулся Се Линь, проводя кончиком пальца по острию шпильки, и кровь просочилась в нефрит. — Я безумец, поэтому я и осмелился... уничтожить корень этой

императорской власти.

Он ударил ладонью.

Нефритовая шпилька разлетелась на осколки, взметнув фонтан кровавого света!

Весь подземный дворец рухнул с оглушительным гревом!

За каменной дверью бушевало пламя, балки Храма Предков стонали в огненной стихии, а семьдесят два свитка Кровавых Писаний, словно бабочки, закружились в вихре, взмывая в небеса и разлетаясь по тысячам домов столицы.

Вдовствующая императрица иступленно кричала за дверью, и её голос звучал пронзительно, как у призрака:

— Ты уничтожил великое наследие предков!

Се Линь стоял посреди пламени, и Кровавый Указ в его ладони горел, но не сгорал ни на йоту.

Он повернулся к Цэнь Чжао и произнес:

— Идем.

— Куда?

— В следующую династию, — Се Линь взял его за руку — в запекшейся крови, но сжатую так крепко, словно это была сама нить жизни. — Допишем эту историю, а потом... напишем еще одну.

Языки пламени поглотили последнюю балку, и Храм Предков обратился в пепел.

А их тени в отсветах пожарища медленно слились воедино, превращаясь в безымянный Кровавый Указ, что тихо уносился ветром в дальние дали.

Первая строка там была написана рукой Се Линя:

«Да Инь пал от лжи, но возродился благодаря безумной речи».

Вторая строка была добавлена Цэнь Чжао:

«Се Линь и Цэнь Чжао вдвоем написали эту историю, не спрашивая о загробной жизни, борясь лишь за день сегодняшний».

<http://bllate.org/book/19340/1891109>